

ЖУРНАЛЪ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.
подъ редакціей Р. Л. АНТРОПОВА.

Альба, безъ зрѣлищъ!!

Много знатнаго народу
 Припелоса на совѣтъ:
 Дать-ли полную свободу,
 Какъ обѣщано? Иль нѣтъ?
 Не собрать-ли снова Думу
 Изъ довѣренныхъ людей?
 — Что въ нихъ толку? Словопреня
 Заведутъ они опять...
 — Вотъ, печать отъ „усмотрѣнья“
 Носторонняго изъять!
 — Что вы! Это невозможно:
 Безъ того вся пресса вретъ:

Съ прессой надо оосторожно,
 Чтобъ не „думалъ“ зря народъ...
 — Все равно, онъ жжетъ помѣстья,
 Лучше-жъ „думаетъ“, пускай!
 — Да, со всѣхъ сторонъ извѣстья,
 Что въ волненіи цѣлый край!
 — Ну, такъ вотъ, что: надо мѣры
 Энергичныя принять—
 Пулеметы, револьверы,
 Чтобъ аграрниковъ унять!
 — Вона! Экъ куда хватили!
 Тутъ совѣмъ другой фасонъ...

Жиздакхыя новеллы Ёоккаіо.

(Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Добраго).

Новелла 11. О томъ, какъ губернаторъ Ротра-Dura попался самъ въ сѣти, разставленныя имъ для другихъ.

... Королева и всѣ придворные много смѣялись предыдущей новеллѣ о двадцати женщинахъ съ хвостами.

— Кому сегодня развлекать насъ? — милостиво обратилась королева.

— Мнѣ, ваше величество. Сегодня я расскажу вамъ о томъ, какъ губернаторъ Ротра-Dura попался въ сѣти, разставленныя для другихъ. Слушайте. Случилось такъ, что въ городъ Пизу, охваченную междоусобными смутами и волненіями, губернаторомъ былъ назначенъ Ротра-Dura.

Что сказать вамъ о немъ, дамы и кавалеры? По внѣшности, по характеру, по глубокомысленно-административнымъ мысленіямъ онъ какъ двѣ капли воды походилъ на всѣхъ иныхъ губернаторовъ. Былъ изященъ, упитанъ, благообразенъ, носилъ бѣлыя штаны и трехуголку съ плюмажемъ и непоколебимо вѣрилъ, что стоитъ ему издать какой-либо эдиктъ, какъ сейчасъ же въ его провинціи возстановится полнѣйшій порядокъ и вся страна будетъ спасена.

Была, правда, одна черта въ его характерѣ, которая отличала его если не отъ всѣхъ, то отъ иныхъ губернаторовъ: онъ не могъ равнодушно видѣть ни одной хорошенькой женщины. Бѣлаго женолюбца, какъ Ротра-Dura, трудно было сыскать. Это-то обстоятельство и погубило бѣднаго Ротра-Dura.

Явившись въ Пизу, онъ буквально засыпалъ ее новеллами и эдиктами. На стѣнахъ домовъ, на заборахъ, на крышахъ и даже на трубахъ забѣлѣли печатныя ротра-дур'овскія воззванія къ населенію, въ которыхъ онъ дошелъ до такой отеческой заботливости, что приказывалъ гражданамъ ложиться въ постель со своими женами ровно въ 8 ч. вечера и послѣ этого часа не смѣть показывать носа на улицу.

Начальнику карабинеровъ было предписано зорко слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого эдикта.

Несмотря на столь кипучую дѣятельность, Ротра-Dura скучалъ и тосковалъ. Днем и ночью ему мерещился образъ какой-нибудь черноокой красавицы, съ крошечными ножками, съ атласной, горячей грудью, съ плутоватой улыбкой на пурпурныхъ устахъ.

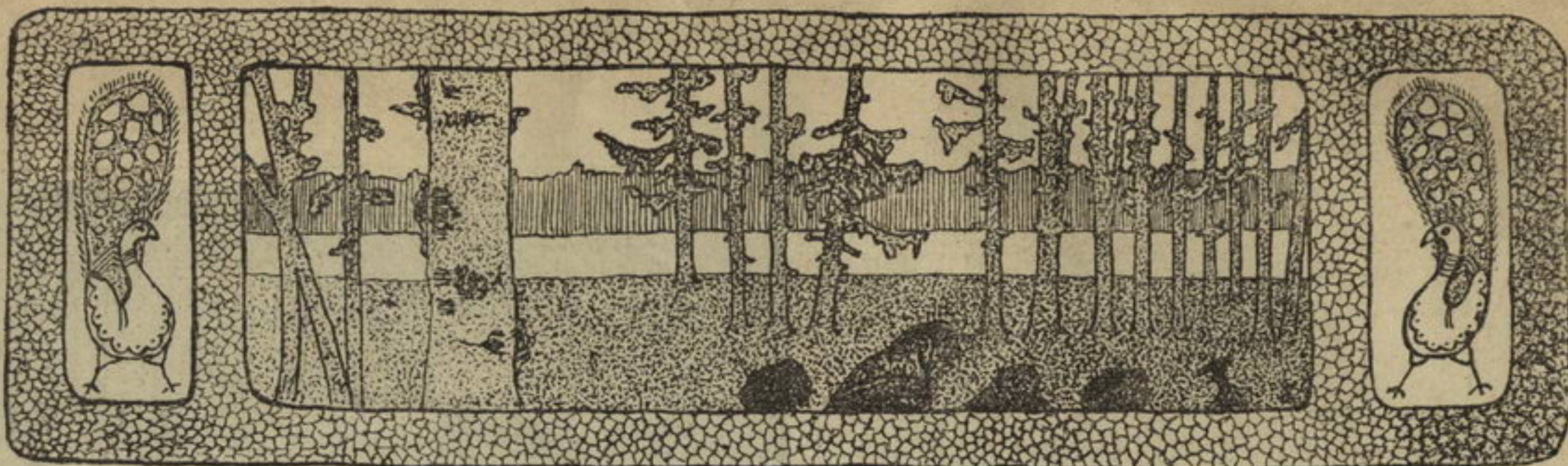
— Гм...—вырывалось у Ротра Dur'a.—Новеллы и эдикты напрасно слятся возстановить порядокъ... въ мсемъ сердцѣ.

Какъ бытъ? обратиться къ помощи и услугамъ своихъ молодыхъ совѣтниковъ для особыхъ, секретныхъ порученій? Конечно, они сейчасъ бы розыскали для него первѣйшую пизанскую красавицу. Но... но будетъ ли это ловко? Такое тревожное, чуть не осадное положеніе, и вдругъ порученіе столь щекотливаго свойства...

Ротра-Dura даже аппетитъ потерялъ.

Но скоро, дамы и кавалеры, счастливый случай пришелъ на помощь къ изнывающему губернатору.

Однажды, на пріемѣ горожанъ, приносящихъ ему свои петиціи, къ Ротра-Dur'у подошла стройная, очаровательная женщина. Обдавая его взглядомъ черныхъ, жгучихъ глазъ, съ робко почтительной улыбкой она представилась ему.

Много-ль этимъ укротили?

Потеряли лишь персонъ!

— Какъ идти напротивъ вѣка,
Противъ всѣхъ разумныхъ нормъ,
Противъ права человѣка?—
Невозможно безъ реформъ!!!

— Но, позвольте-ка, иначе,
Возразилъ ему Удавъ,
Можно какъ нибудь иначе,
Безъ особенныхъ тамъ правъ...

— Либераловъ безобразныхъ
Сжать на первыхъ же порахъ,

Чтобы мыслей этихъ разныхъ,

Не являлось о правахъ!

— Плохо то, что эти мысли—
Какъ ужъ тамъ ни говори—
Словно въ воздухѣ повисли
Повсемѣстно, чертъ дерни!..

Такъ они поговорили,
Не рѣшивъ ни да, ни нѣтъ,
По сигаркѣ закурили,
И... окончили Совѣтъ.

Гусь лапчатый.

— Я—вдова, Фульвія Галли. Мой мужъ недавно умеръ. Обстоятельства дѣла, о которомъ я ходатайствую, изложены вотъ въ этой петиціи. Я прошу вашей защиты и вашего покровительства, ваша ексцелленція.

Ротра-Dur'a даже въ жаръ бросило. Какая красота! вотъ она, его греза!

— О, signora Фульвія!—вскричалъ губернаторъ.— Вы говорите о защитѣ. Но развѣ мои карабины плохо защищаютъ горожанъ и въ особенности горожанокъ? Что касается моего покровительства, то это... это зависитъ всецѣло отъ вашего желанія. Съ своей стороны я — счастливъ... Я... я сейчасъ же лично разсмотрю ваше дѣло. А адресъ вашъ здѣсь указанъ? — съ особымъ удареніемъ спросилъ ликующій губернаторъ.

— О, да...—еще задорнѣе улыбнулась очаровательная вдова.

...Весь день Ротра-Dur'a былъ самъ не свой и даже—о, чудо padre Джованни!—не издалъ ни одного эдикта.

Лишь только наступилъ поздній вечеръ, Ротра-Dura призвалъ къ себѣ начальника карабиновъ и кратко приказалъ ему:

— Вотъ что, любезнѣйшій: сегодняшней ночью могутъ быть волненія на главной площади. Поэтому стяните туда со всѣхъ улицъ всѣ охранные патрули. Главнымъ образомъ снимите карабиновъ съ улицы св. Керулярія: тамъ все спокойно, увѣряю васъ.

— Слушаю-съ...—отвѣчалъ удивленный начальникъ карабиновъ.

— „Ну, теперь я могу попасть къ очаровательной Фульвіи никѣмъ не замѣченный“... — радостно пронеслось въ головѣ губернатора.

Онъ облачился въ широкій черный плащъ, и тай.

комъ, крадучись, вышелъ съ задняго хода своего дворца, попалъ въ садъ, перелѣзъ черезъ рѣшетку и, оглядываясь пугливо по сторонамъ, поспѣшно направился въ улицу св. Керулярія, къ дому очаровательной вдовы.

— Клянусь шляпой padre Джованни, а вѣдь безъ этихъ милыхъ карабиновъ гораздо пріятнѣе, тише и безопаснѣе!—шепталъ про себя Ротра-Dura.

...Что происходило въ хорошенькомъ домикѣ вдовы Фульвіи,—неизвѣстно, дамы и кавалеры. Это, безусловно, была губернаторско-вдовья тайна, но судя по тому, что Ротра-Dura возвратился раннимъ утромъ, можно предположить, что свиданіе было продолжительнымъ, что Ротра-Dura, очевидно, обстоятельно старался удовлетворить желанія очаровательной вдовы; если же принять во вниманіе, что Ротра-Dura довольно посмѣивался, дрыгалъ ножкой, а утромъ великолѣпно позавтракалъ, то станеть ужъ несомнѣнно что дѣло со вдовой было окончено успѣшно.

...Такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ и ночей. Ротра-Dura каждый вечеръ мѣнялъ диспозицію охранныхъ патрулей, всегда, однако, съ такимъ расчетомъ, что улица св. Керулярія оставалась свободной отъ карабиновъ.

Однажды (это было въ шестой вечеръ таинственныхъ путешествій губернатора) Ротра-Dura безпечно шагаль по направленію къ домику вдовы.

Бѣдный, бѣдный Ротра-Dura! Онъ не замѣчалъ, что слѣдомъ за нимъ, изъ-за угла, зашагала огромная, мрачная тѣнь.

Шагъ за шагомъ, она слѣдовала за женолюбнымъ губернаторомъ.

Вотъ Ротра-Dura вошелъ въ домъ. Прошло съ полъ-часа и вдругъ улица св. Керулярія огласилась грозными звуками военныхъ трубъ.

Таинственная тень сбросила съ себя плащ. Теперь стоял во всем великолѣпіи, грозный начальник карабиновъ. Моментъ,—и раздалась его грозная команда спѣшившимъ со всѣхъ сторонъ караби-нерамъ:

— Эй-эй! Со всѣхъ сторонъ окружить этотъ квар-талъ! Занять всѣ выходы и входы этого преступнаго, страшнаго дома! Здѣсь находится опаснѣйшій инсургентъ!!!

— Тра-та-ра-та!—загремѣли трубы, зафыркали лошади, зазвенѣло оружіе.

Изъ оконъ высунулись головы въ колпакахъ устранныхъ мирныхъ горожанъ.

— Св. Бонифаций, опять облава! Это — хорошо: вотъ какъ заботится о нашемъ покоѣ и безопасности нашъ мудрый Ромпа-Dura.

— Ломать двери!! — гремѣлъ начальникъ караби-новъ.—Гразь! два! оружіе—гото-о-овъ! Изъ оконъ не выпускать! охранять окна!

Трахъ!! дверь съ шумомъ разлетѣлась подъ при-кладами ружей и огромная толпа карабиновъ во-рвалась въ комнаты вдовы Фульви.

— Сдавайтесь! спасенія нѣтъ! если не сдадитесь мирно, откроемъ огонь!—ревѣлъ начальникъ, пробѣ-гая комнату за комнатой.]

Вотъ и послѣдняя.

На порогѣ, трясаясь отъ страха и злобы стоялъ въ одной рубашкѣ, но съ треуголкой на головѣ „страшный инсургентъ“ — губернаторъ Ромпа-Dura. Вдали виднѣлась легкомысленно одѣтая фигура пла-чущей вдовы.

— Ав... ва ва... Нѣтъ, что вы со мной сдѣлали?!!! —прохрипѣлъ Ромпа-Dura.

(Слѣдующая новелла въ № 9).

Здравый смысл.

Здравый смысл на гастролях.

Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Здравый Смыслъ—молодой энергичный человѣкъ, дѣлать себя серьезно и смѣло.

Умъ—отецъ его, бритый старикъ въ крылаткѣ и ветхой шляпѣ à la Пушкинъ.

Наука—мать Здравыхъ Смысла, эффектная, „бальзаковская“ барыня.

Прогрессъ—оригиналъ съ расчесанною на двѣ стороны бородой; хромаетъ, одѣтъ англійскимъ велосипедистомъ, въ глазу монокль, черезъ плечо надѣта сумка съ аппаратами.

Цивилизація—блестящая красавица, остроумная, наглаватая. Сильно декольтирована.

Совѣсть—прекрасная блондинка, скромная, серьезная одѣта въ бѣдное черное платье.

Крестьянинъ—сильный цвѣтущій мужчина въ сѣрой свиткѣ и въ лаптяхъ.

Анархистъ—въ блузѣ и ботфортахъ, выраженіе лица грозное.

Реданторъ газеты—сѣдая борода клиномъ, злые глаза, общее выраженіе шельмовское.

Муръ-Подлевичъ—тучный, высокій, носъ горбомъ, сѣдая борода на двѣ стороны.

Сотрудники, актрисы, писательницы, архаровцы, Лопни-Рыло, ихъ предводитель, студенты, босаки и рабочіе.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ.

Городекая улица. Прямо скверъ. Направо кофейная, на тротуарѣ подъ тентомъ столики, заняты публикой. Съ лѣвой стороны выходятъ Здравый Смыслъ рядомъ съ Умомъ).

Умъ.

Вотъ, погляди, сыночекъ, какъ у насъ живутъ. Совѣмъ не такъ, какъ у васъ въ Америкѣ!

Здравый Смыслъ.

Что это за каналы здѣсь сидятъ подъ тентомъ?

Умъ.

Да разные... А что?

Здравый Смыслъ.

Какія рожи богомерзкія! Подсядемъ къ нимъ, послушаемъ, что они говорятъ.

(Оба садятся къ свободному столику).

Читающій газету.

Ну опять аграрники, забастовщики и неурожайники... Все это скверно!

Сидящій vis-à-vis.

Напротивъ, хорошо: нажива вѣрная! Намъ стоить только запасти зерномъ!

(Трое студентовъ подходятъ къ столикамъ и, увидавъ стараго профессора, высоко поднимаютъ фуражки).

1-й студентъ.

Vivat!

2-й студентъ.

Маститый профессоръ!

3-й студентъ.

Vivat academia!

Vivant professeurs!

Умъ.

Здравствуйте... тише, господа! Не дѣлайте овацій. Вотъ, познакомьтесь съ моимъ сыномъ Здравымъ Смысломъ, онъ пріѣхалъ изъ Америки.

(Студенты пожимаютъ ему руку).

1-й студентъ.

Какъ тамъ студенты поживаютъ?

2-й студентъ.

Сходки не запрещаются?

Здравый Смыслъ.

Конечно, нѣтъ. Студенты живутъ полной жизнью: учатся, мыслятъ, совѣщаются; участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ и издають свою газету

3-й студентъ.

У насъ не такъ. Здѣсь и наука-то у насъ не настоящая... Не правда-ль, господинъ профессоръ?

Умъ. (Нюхая табакъ).

Эхъ, юный другъ, за то я и попалъ въ заштатные, что проводилъ критическіе взгляды съ кафедръ. Читалъ я по исторіи, предметъ обширный,—какъ-же тутъ безъ критики? Но наша бюрократія не любитъ критики: ей и науку подавай, по ея вкусу, шаблонную...

(За столиками непріязненное движеніе. Многіе уходятъ въ кафе).

(Черезъ скверъ проходитъ группа студентствъ, махая фуражками. Въ серединѣ группы Наука подъ руку съ фразатовымъ профессоромъ въ ринсе-нез и бакенбардахъ. Трое студентовъ торопливо присоединяются къ группѣ).

Студенты (поютъ).

Друзья, дадимъ другъ другу руки

И смѣло двинемся впередъ!

И пусть подъ знаменемъ науки

Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

За кулисами раздаются свистки. Въ группу кидаются два архаровца).

Архаровцы.

Разойдитесь, господа! Честью просимъ: разойдитесь!

Студенты.

Да что вы? Мы выходимъ съ лекціи. Нельзя же намъ сейчасъ, какъ зайцамъ, въ разсыпную!

(За кулисами стукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ ногъ).

Архаровцы.

Нельзя, нельзя! Все равно разойдитесь! Слышите: пугалы пріѣхали...

Студенты.

Что за безсмыслица? Изъ-за чего переполохъ? Фальшивая тревога!

(Появляются спѣшившіеся пугалы бѣгомъ. Лопни-Рыло (очень тучный), пытая и отдуваясь, спѣшить на мѣсто происшествія).

Лопни-Рыло.

Господа! Прекратите сходку!

Студенты.

У насъ не сходка: мы провожаемъ съ лекціи профессора, и больше ничего.

Лопни-Рыло.

Ага! Вы оказываете сопротивленіе? Да я васъ всѣхъ въ бараній рогъ согну!!

Наука.

(Торжественно подходитъ къ Лопни-Рылу).

Позвольте, господинъ! Мѣшать студентамъ проявлять ихъ энтузіазмъ мы нѣтъ никакого снованія!

Лопни-Рыло.

Сударыня! Я Лопни-Рыло, и у меня есть основаніе!

Гей! Справа-слѣва заходи!

(Пугалы цѣною обходятъ студентовъ).

А васъ сударыня, прошу покорно: уходите!

Наука. (Съ презрительнымъ сожалѣніемъ).

Вы знаете-ли, съ кѣмъ вы говорите?—Передъ вами Наука, которую нельзя отнять отъ студентовъ!

Н. Ратомскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Положенія и подвиги Донъ-Кихота Ламанчскаго.

(Переводъ съ рукописи Мигуэля Сервантеса).

... Величественный, но элегически грустный, проѣзжалъ по улицамъ главнаго города острова Донъ-Кихотъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго оруженосца Санхо Панса.

Душа рыцаря Печальнаго Образа была мрачна и уныла: прошло уже нѣсколько дней его пребыванія въ этомъ городѣ удивительныхъ чудесъ, а онъ не совершилъ еще ни одного подвига.

— Клянусь Дульцинеей Тобозской, это—поразительно!—обратился благородный Донъ-Кихотъ къ Панса.—Скажи, Санхо, неужели всѣ жители этого города такъ счастливы, что никто не нуждается въ моей помощи?

— А знаете, мой благородный господинъ, это и лучше—отвѣтилъ Санхо, кряхтя и потирая шею и бока.—Не во гнѣвъ вашей милости будь сказано, послѣ каждаго вашего подвига у меня вскакиваетъ нѣсколько лишнихъ синяковъ и шишекъ.

— О, мой вѣрный Панса, ты неисправимо мелоченъ и малодушенъ! Ну что такое синяки и шишки въ сравненіи съ высокими задачами и цѣлями орденскаго рыцарства? Ты знаешь, у меня осталось всего четыре ребра. Но что-жъ изъ того? развѣ я плачу и хнычу?

— Великій Боже!—вскричалъ въ ужасѣ оруженосецъ.—Такъ неужели вы хотите, мой добрый господинъ, сражаться до послѣдняго ребра?

— До послѣдняго!—гордо отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

Лишь только Донъ-Кихотъ успѣлъ произнести эти слова, какъ изъ за угла улицы послышался шумъ, отдѣльные выкрики, возгласы, заглушаемые пронзительнымъ свистомъ.

Донъ-Кихотъ вздрогнулъ и моментально преобразился. Гордо закинувъ назадъ голову, такъ что шлемъ его чуть-чуть не свалился, выхвативъ свой страшный мечъ и потрясая имъ, онъ ринулся туда, гдѣ слышались крики.

— За мной, Санхо! Ты видишь, само небо посылаетъ мнѣ случай придти на помощь какому-нибудь бѣдняку.

— „Охъ, Santa Maria, не на долго хватитъ ему его четырехъ реберъ!“—пронеслось въ головѣ бѣднаго толстяка Панса, котораго отъ страха уже начиналъ прошибать потъ.

Рыцарь Печальнаго Образа прищипоривалъ бока Россинанта, отчего тотъ галлопировалъ еще удивительнѣе.

Завернувъ за уголъ, Донъ-Кихотъ столкнулся съ удивительнымъ шествіемъ.

Толпа, человѣкъ въ десять, какихъ-то необыкновенно страшныхъ альгвазилъ съ длиннѣйшими усами, вооруженныхъ съ головы до ногъ, окружили и насильно тащили высокаго человѣка въ рваной одеждѣ, почти полуголаго. Онъ упирался, и чтобъ его понудить идти, два альгвазила презрительно тузили его саблями плашмя по спинѣ.

При видѣ этой картины, необъяснимое бѣшенство овладѣло благороднымъ рыцаремъ.

Грозовымъ голосомъ, перехваченнымъ погодо-

ваніемъ, онъ загремѣлъ, преграждая путь этой странной процессіи:

— Стой! ни шагу дальше! Или клянусь Дульцинеей Тобозской, я раскрошу васъ въ куски, негодяи...

Неожиданный патискъ, необычайный видъ и грозный крикъ Донъ-Кихота въ первую минуту ошеломили страшныхъ альгвазилъ. Они глупо захопали своими свирѣпыми глазами, а одинъ изъ нихъ даже отсалютовалъ саблей благородному рыцарю Печальнаго Образа.

— Кто вы? и куда вы ведете этого почтеннаго, добраго человѣка?

И какъ вы смѣете наносить ему побои!—продолжалъ гремѣть Донъ-Кихотъ.

Прежде, чѣмъ страшные альгвазили успѣли придти въ себя и что-либо отвѣтить Донъ-Кихоту, онъ съ рыцарской почтительностью обратился къ полу-голому человѣку.

— Кто вы, мой благородный гидальго? Какъ вы попали въ лапы этихъ чудовищныхъ уродовъ? Знайте, что мой мечъ къ вашимъ услугамъ. Клянусь, я васъ освобожу отъ этихъ исчадіевъ ада. Услышавъ обращенныя къ себѣ слова „благородный гидальго“, неизвѣстный полу-голый человѣкъ сначала громко фыркнулъ, а потомъ, вдругъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Ха-ха-ха! Я—гидальго! ха-ха-ха!

— О, Санхо, гляди, что сдѣлали съ этимъ добрымъ человѣкомъ чудовища! Онъ—смѣется!—Онъ сошелъ съума, бѣдняга!

Альгвазили, между тѣмъ оправившись и тѣснимъ копьомъ окружили храбраго рыцаря.

— А ты кто, гнусная, смѣшная образина?! а? Какъ ты смѣешь вмѣшиваться въ дѣйствія альгвазилинъ?

— Я—кто? Я—Донъ-Кихотъ Ламанчскій, рыцарь Печальнаго Образа, защитникъ всѣхъ угнетенныхъ и невинныхъ. Сейчасъ-же освободить этого человѣка, или я предлагаю вамъ каждому сразиться со мной по одиночкѣ на мечахъ!

— По-одиночкѣ? ну, это, братъ дудки! Мы лучше всѣ скопомъ, такъ то будетъ вѣрнѣе и чувствительнѣе для тебя—въ голосъ отвѣчали чудовища.

— Прочь!—загремѣлъ Донъ-Кихотъ.—Клянусь моимъ шлемомъ...

При словѣ шлемъ, альгвазили въ ужасѣ шарахнулись.

Но на несчастье храбраго рыцаря, страшный вѣтеръ слетѣлъ съ его головы и тихо, безъ всякаго треска шлепнулся на мостовую. Увидѣвъ, что въ шлемѣ нѣтъ ничего страшнаго, альгвазили бросились на Донъ-Кихота и черезъ минуту храбрый рыцарь безпомощно барахтался въ ихъ дюжихъ объятіяхъ.

— Труссы! подлые труссы!—хрипѣлъ Донъ-Кихотъ.

— Ладно, ладно... идемъ-ка теперь. Тамъ у насъ въ альгвазилинъ, все разберемъ. Мы покажемъ тебѣ...

Въ то время, какъ рыцаря Печальнаго Образа влекли альгвазили, „благородный“ полу-голый „гидальго“ улетѣлъ, хохоча, какъ сумасшедшій...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.